

Глава 21. Домой

— Ци Мо! На что ты там засмотрелся? Я здесь!

Обернувшись на знакомый голос, Ци Мо увидел приближающуюся к нему женщину. Это была его агент, Хуан Жолинь.

Ей уже перевалило за сорок, однако благодаря безупречному уходу выглядела она едва ли на тридцать пять. Среднего роста, подтянутая, она неизменно отдавала предпочтение строгим черным брючным костюмам. Не изменила она своему стилю и сегодня, приехав встретить Ци Мо.

— Ты чего тут застыл как истукан? — проворчала Хуан Жолинь. Подойдя ближе, она в шутку замахнулась, чтобы дружески хлопнуть его по плечу.

Но Ци Мо ловко увернулся — реакция у него была отменной, сразу видно, что тренировками он не пренебрегал.

Агент шутливо метнула в него недовольный взгляд, но уже в следующее мгновение она лучезарно улыбнулась. Повернувшись к Сюй Яньци и Хуа Сыхаю, она приветливо заговорила:

— Директор Хуа, Учитель Сюй, здравствуйте! Наслышана о вас, безумно рада знакомству. Я Хуан Жолинь, менеджер Ци Мо.

Держалась она с легким достоинством, располагая к себе с первых секунд, но при этом заставляя считаться со своим авторитетом.

Хуа Сыхай пожал ей руку, ответив не менее радушно:

— Госпожа Хуан, взаимно! «Светлячок» Небесного царя Ци действительно тронул до глубины души каждого нашего испытателя планет. В последнее время в нашем Институте эта песня звучит едва ли не круглые сутки.

— Вы слишком добры. То, что вам нравится его творчество — огромная честь для нашего Ци Мо, — искренне ответила Хуан Жолинь.

Для Сюй Яньци официальная часть приветствий наконец завершилась, и он мгновенно принял привычный безучастный, сонный вид. Пожав руку Хуан Жолинь, он отступил на полшага назад, укрывшись за широкой спиной Хуа Сыхая. Со стороны могло показаться, будто он внимательно слушает чужую беседу, но на деле мысли его витали уже далеко отсюда.

Лишь когда Сыхай упомянул «Светлячка», Сюй Яньци слегка встрепенулся. В памяти

мгновенно ожила сцена у костра, когда Ци Мо пел вживую, без всякого музыкального сопровождения. Позже Яньци ради любопытства отыскал студийную запись этой песни — она, бесспорно, была великолепна, но почему-то именно то простое, искреннее исполнение под треск пламени врезалось в память глубже всего.

На подземной парковке Хуан Жолинь и Ци Мо сели в машину. Едва за ними закрылась дверь, женщина откинулась на спинку сиденья и тяжело выдохнула, словно только что завершила сложнейшие переговоры государственной важности и наконец-то позволила себе расслабиться.

— Сестрица Линь, тебе не кажется, что это перебор? — Ци Мо попытался устроиться так же, но из-за высокого роста его голова возвышалась над подголовником, а длинные ноги уперлись коленями в переднее сиденье. Сидеть в такой позе ему было явно неудобно.

— Когда остальные потихоньку разошлись, а они всё стояли и болтали... Знаешь, о чем я подумала? — Хуан Жолинь повернулась к нему вполоборота и вопросительно приподняла бровь.

Ци Мо даже не пошевелился и прикрыл глаза. Он прекрасно знал, что она скажет дальше, и ничего хорошего от этого монолога не ждал. Решив не вступать в пустые споры, он лишь неопределенно хмыкнул:

— И о чем же?

Хуан Жолинь проигнорировала его вялый тон и с неподдельным изумлением воскликнула:

— Надо же, Ци Мо, после этих съемок тебя прямо-таки не узнать! Знай я, что реалити-шоу так на тебя повлияет, еще при подписании контракта упаковала бы тебя и отправила на какое-нибудь шоу. Глядишь, не пришлось бы мне ежедневно трястись от страха, что твой экранный образ рухнет в один прекрасный момент и все фанаты разбегутся.

— Образ рухнет? — услышав это, Ци Мо больше не мог оставаться безучастным. Он повернул голову и со скептической усмешкой посмотрел на Хуан Жолинь: — Я еще тогда не понимал, зачем вы уперлись в этот выдуманный образ. В конце концов, я не какой-то там айдол, выезжающий только на хайпе. Для меня эти рамки — то же самое, что арочные деревья для Учителя Сюя.

— Что за чушь? — нахмурилась Хуан Жолинь.

— Абсолютно бесполезная вещь.

«Впрочем, — мысленно добавил Ци Мо, — если догадки ученых, о которых упоминал Сюй Яньци, верны, и ароматные деревья действительно помогают от облысения, то Учителю Сюю они и впрямь без надобности».

Хуан Жолинь не поняла его странных аналогий, но за годы работы привыкла пропускать подобные излияния мимо ушей, вычлняя только то, что имело значение:

— Твой образ был нужен для того, чтобы у публики появился яркий триггер, за который можно зацепиться. В шоу-бизнесе сейчас такая конкуренция, что пробиваться приходится с боем. Чем быстрее ты взлетишь, тем меньше рисков прогореть на старте.

Она повернулась к нему удобнее:

— К тому же вспомни себя, когда мы только познакомились. Из тебя же слова клещами нельзя было вытянуть! Темные очки словно припаяли к лицу. Естественно, я решила делать из тебя загадочного молчуна, посчитав, что это твоё истинное «я».

Ци Мо лишь вздохнул и снова закрыл глаза, не желая продолжать спор.

Если подумать, Хуан Жолинь вела его дела не так уж давно.

В самом начале он не стал противиться ярлыку нелюдимого молчуна по двум причинам. Во-первых, будучи новичком в индустрии, он мало что понимал в законах шоу-бизнеса и беспрекословно доверял опыту своего менеджера. Во-вторых, они тогда едва знали друг друга, и делиться сокровенными мыслями с малознакомым человеком было не в его характере.

Лишь со временем Сестрица Линь разглядела его истинную натуру: напускное молчание служило лишь временным щитом, тогда как на самом деле им двигало неумное любопытство ко всему на свете.

Однако к тому моменту карьера Ци Мо уже вышла на новый уровень, и на горизонте замаячила настоящая популярность.

Такой стремительный взлет застал врасплох многих, включая саму Хуан Жолинь. Безусловно, она верила, что её подопечный добьется успеха, но не ожидала, что слава обрушится на него так быстро. Любовь фанатов оказалась безраздельной: его обожали за музыку, за внешность и за тот самый образ загадочного одиночки. Эти три составляющие сплелись в неделимое целое.

И дело было вовсе не в однообразии его репертуара или необходимости круглосуточно носить маску холодности. Просто нынешнее положение Ци Мо не прощало импульсивных выходок — он не мог позволить себе роскошь творить всё, что вздумается.

Он взлетел слишком высоко и слишком быстро, а значит, завистников и недоброжелателей

вокруг него так и кишело.

Пока он не закрепился на вершине музыкального олимпа окончательно, любая, даже самая пустяковая оплошность могла стать роковой. Враги не упустили бы шанса смешать его имя с грязью и сбросить с пьедестала.

Падать всегда больнее и быстрее, чем подниматься. И сейчас главным спасательным кругом для него могли стать только престижные награды, которые раз и навсегда подтвердили бы его статус.

— Твоего «Светлячка» уже номинировали на премию «Звездная песня», — сообщила Хуан Жолинь. — Поскольку проект курируется властями, к нему приковано огромное внимание, так что шансы на победу чрезвычайно высоки. К тому же по количеству скачиваний в сети трек уверенно держит первенство с самого релиза.

«Звездная песня» считалась одной из самых весомых наград в музыкальной индустрии, и даже простое попадание в шорт-лист открыло бы перед Ци Мо множество закрытых ранее дверей.

— Рано еще делить шкуру неубитого медведя, так что не накручивай себя заранее, — отозвался Ци Мо с таким равнодушием, будто речь шла о постороннем человеке. — Сестрица Линь, помни: чем выше ожидания, тем больнее падать.

Хуан Жолинь лишь покачала головой.

Его вечное пофигистское отношение к жизни вкупе с неукротимой болтливостью частенько доводили её до белого каления. То, что при таком характере он умудрился стать звездой, походило на чудо. Наверное, ему просто было на роду написано блистать на сцене.

Люди в шоу-бизнесе суеверны, и Хуан Жолинь не была исключением. Рок, судьба, удача — как ни назови, а иметь такой козырь в рукаве дорогого стоило. Этим она себя и утешала.

Вздыхнув, она решила пощадить уставшего после перелета артиста и не грузить его рабочими вопросами.

— Ладно, добился-таки своего, упрямец, — сменила она тему. — Я ведь предлагала тебе отличный музыкальный проект, а ты уперся рогами: подавай тебе это шоу, и всё тут. Год коту под хвост! Благо прошел отбор, а иначе я бы сама выплатила неустойку, лишь бы избавиться от такого упрямого подопечного.

— Ну что ты такое говоришь! Если ты меня не понимаешь, это не значит, что я сам себя не знаю. Можешь спросить любого — после самих испытателей планет никто не разбирается в этой профессии лучше меня!

Хуан Жолинь лишь усмехнулась. Раньше она подняла бы его слова на смех, но когда Ци Мо с блеском завершил изнурительные тренировки и показал лучший результат на отборе, её скепсис заметно поутих.

В конечном счете выхлоп от участия в этом реалити превзошел все ожидания, так что жалеть о несостоявшемся вокальном шоу не приходилось. Хуан Жолинь отбросила лишние думы и принялась расспрашивать его о деталях съемок.

И почти сразу горько пожалела об этом. Стоило ей затронуть тему, как у Ци Мо буквально прорвало плотину — его болтливость вышла из берегов. Всю дорогу до дома он во всех красках, не упуская ни единой мелочи, расписывал ей каждый день на съемочной площадке.

Нельзя сказать, что его рассказ был скучным или монотонным — напротив, Ци Мо вещал так сочно и эмоционально, что перед глазами невольно вставали живые картины.

Вот только Хуан Жолинь видела практически всё это в прямом эфире. Каким бы великолепным рассказчиком ни был её подопечный, слушать по второму кругу то, что она и так знала до мельчайших подробностей, было сомнительным удовольствием.

Её внимание привлекли лишь те редкие моменты, которые остались за кадром. Уцепившись за одну из деталей, она нахмурилась:

— Погоди. Ты говоришь, что тем утром специально подошел к Сюй Яньци расспросить про крысопсов?

— Ну да, — легкомысленно подтвердил Ци Мо. — Представляешь, я накануне всю ночь перерывал архивы и не нашел вообще ничего. Извелся весь, уснуть не мог!

Хуан Жолинь нахмурилась сильнее. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, будто ситуация медленно, но верно выскальзывала из-под её контроля. Не сумев четко сформулировать свои опасения, она отмахнулась от них и спросила о другом:

— Кстати, давно хотела узнать... Почему тебя так тянет к этой теме с испытателями планет?

Ци Мо задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику. Лишь когда машина мягко затормозила на подземной парковке его жилого комплекса, он неторопливо улыбнулся:

— Пути Господни неисповедимы.

Хуан Жолинь закатила глаза.

Она резко нажала кнопку на приборной панели, распахивая дверь с его стороны, и процедила

сквозь зубы:

— Выметайся, шут гороховый.

Ци Мо лишь добродушно рассмеялся, выбрался наружу и, не оборачиваясь, лениво махнул рукой на прощание.

Однако стоило ему скрыться за поворотом и войти в пустой лифтовой холл, как он мгновенно перестал улыбаться. Он скрестил руки на груди и тяжело, устало вздохнул.

Тем временем Хуа Сыхай подвозил Сюй Яньци к его дому.

Со времен демографического взрыва технологии шагнули далеко вперед.

Современный транспорт давно лишился колес: теперь днище машин представляло собой плоскую металлическую платформу, парящую над землей за счет магнитной подушки. При запуске двигателей корпус приподнимался над дорогой на высоту от нескольких десятков сантиметров до полуметра в зависимости от рельефа. Бензин ушел в прошлое — его заменил экологически чистый синтетический концентрат.

Салоны автомобилей стали полностью интерактивными: сиденья мгновенно подстраивались под анатомические особенности пассажиров, обеспечивая максимальный комфорт.

Впрочем, проблему ограниченной высоты конструкторам решить так и не удалось. Высоким людям по-прежнему приходилось несладко: колени упирались в приборную панель, а макушка то и дело норовила задеть потолок.

Рост Сюй Яньци тоже был приличным, но всё же укладывался в среднестатистические рамки, поэтому в машине Хуа Сыхая он не чувствовал себя так скованно, как несчастный Ци Мо.

— Сяо Сюй, ты так и не обзавелся собственным транспортом?

Хотя автопилот давно стал стандартом, Хуа Сыхай по старинке предпочитал лично держать руки на руле, наслаждаясь процессом вождения.

Пока они ехали, директор внимательно следил за дорогой, но время от времени отвлекался, чтобы перекинуться с пассажиром парой слов.

Когда Хуа Сыхай настойчиво вызвался подвезти его, Сюй Яньци сразу понял, что легкой

беседы не избежать. Заранее смирившись с неизбежным, он не испытывал раздражения и ответил максимально лаконично:

— Нет пока.

Хуа Сыхай усмехнулся:

— Ну еще бы! После штурвала космического корабля обычная баранка кажется детской игрушкой.

Сам он никогда не работал испытателем планет, но частенько подвозил коллег и не раз слышал от них подобные сетования.

Яньци, правда, думал совсем иначе. Собственное авто ему было попросту без надобности. Понадобится — пойдет и купит, делов-то.

— Знаешь, когда тебя отправили на это шоу, в Институте все места себе не находили от беспокойства.

Сюй Яньци искоса взглянул на попутчика.

«Если уж так переживали, зачем вообще заставили меня туда ехать?» — лениво подумал он.

— Конечно, я и сам немного волновался, — продолжал Хуа Сыхай. — Боялся, что тебе будет тяжело привыкнуть. В твоём профессионализме-то никто не сомневался ни на секунду. Коллеги просто переживали, как ты справишься со всем этим вниманием и прицелом камер.

Яньци вежливо слушал этот поток банальностей, пропуская слова мимо ушей.

— Но судя по трансляциям, ты освоился на удивление быстро. Превзошел все наши ожидания, — Сыхай на секунду замолчал, а затем внезапно понизил голос: — Послушай, Сяо Сюй... Тебе не приходило в голову, что одиночество на самом деле прельщает тебя гораздо меньше, чем ты привык думать?

Хуа Сыхай пришел в Институт задолго до Яньци. В эпоху перенаселения карьерный рост давался с колоссальным трудом, и его нынешняя должность была результатом многолетней упорной борьбы и интриг. Он знал молодого ученого достаточно давно, чтобы без труда разгадать ключевые черты его характера.

Тем более что тот никогда и не пытался казаться кем-то другим.

В словах директора не было злого умысла. Напротив, им двигало искреннее желание помочь — обычная слабость умудренного опытом наставника, любящего поучать молодежь.

Прислушается ли собеседник к его словам или нет, Сыхая мало волновало. Иногда он просто не мог держать язык за зубами.

Сюй Яньци никак не отреагировал на эту реплику.

Директор был прав: Яньци ни от кого ничего не скрывал. Просто до сих пор никто не задавал ему подобных вопросов, а лезть к людям с откровениями он не собирался.

Его не задели эти расспросы, разве что излишняя болтливость начальника слегка утомляла. Чтобы не показаться грубым, он неопределенно хмыкнул, давая понять, что разговор окончен.

Хуа Сыхай прекрасно уловил намек и развивать тему не стал. Умному человеку достаточно намека, а дальше пусть думает сам.

Машина плавно скользила по улицам и вскоре мягко опустилась у подъезда Яньци.

Бросив взгляд на экран навигатора, Хуа Сыхай покачал головой:

— Ну и глухомань! До Института отсюда пилить и пилить. Хорошо еще, что у тебя свободный график и не нужно отмечаться на проходной к девяти утра. Обычный клерк от одной только мысли о такой ежедневной дороге растерял бы половину жизненных сил.

Яньци возился с пряжкой ремня безопасности, вяло подыскивая нейтральный ответ, когда директор подбросил новый вопрос:

— Сяо Сюй, а почему ты вообще решил купить жилье именно в этом районе?

Пряжка с негромким щелчком встала на место, и ремень с мягким шорохом втянулся в гнездо.

В салоне воцарилась тишина. Хуа Сыхай явно не собирался уезжать просто так — он с неподдельным интересом выжидающе смотрел на подчиненного.

Яньци облизнул пересохшие губы. По какой-то причине этот простой вопрос показался ему куда более каверзным, чем все предыдущие рассуждения директора об одиночестве. В этот момент ему безумно захотелось просто выскочить из машины и сбежать.

Но испытывающий взгляд Хуа Сыхая не оставлял путей к отступлению. Поняв, что отделаться дежурной фразой не удастся, Яньци вздохнул и решил сказать правду.

<http://bllate.org/book/18362/1826374>